

В тот момент, когда Кадаф был на грани отчаяния, когда его рассудок готов был помутиться, а глаза видели лишь то, как стая волков набрасывается на человека, заслонившего его собой, и жестоко терзает его плоть, сердце Кадафа внезапно обрело пугающий покой.

Если им не суждено жить вместе, возможно, общая смерть станет лучшим финалом.

Волоча по земле тело, ставшее безжизненным, словно кусок мертвечины, он, опираясь на руки, шаг за шагом пополз к этому человеку. Песок и острые камни сдирали кожу, а грязь и кровь словно насмехались над ним.

Даже в смерти он хотел, чтобы их кости переплелись, и земля бездны даровала им вечность.

— Какая трагическая картина, — к нему подошел мужчина, закутанный в черный плащ. Нет, точнее будет сказать, он направился к человеку, лежавшему перед Кадафом.

Там, где он ступал, волки в ужасе разбежались, пятась назад и испуганно поскуливая, словно столкнулись с чем-то невыразимо страшным. Из черного плаща показалась неестественно бледная, почти болезненная рука. Она медленно потянулась к магу Заку, чей взгляд уже начал туманиться. Незнакомец тихо спросил:

— Итак, это ты сказал, что готов отдать мне свою душу?

— Да, — с трудом разлепив веки, ответил Зак.

— Нет, нельзя! Душу отдам я, а не ты, — немедленно возразил Кадаф.

В этом мире каждое существо знало: если добровольно вручить кому-то свою душу, станешь его рабом навеки, пока сама душа не исчезнет из мироздания.

— Ты что, решил нарушить свой рыцарский кодекс? — гневно посмотрел на него Зак.

Ведь это должен был сделать он сам. Кадаф обязан был остаться уважаемым рыцарем Бездны, найти себе жену, счастливо прожить жизнь и лишь изредка вспоминать о нем.

Даже если бы это причинило боль такому верному своим принципам демону, время стало бы лучшим лекарством.

Разве не поэтому он всё это время сдерживал себя?

— Но ведь твоя душа и так принадлежит мне, — нежно проговорил Кадаф, чье лицо было до ужаса перепачкано дорожной пылью. — С того самого мига, как я увидел тебя, я понял, что

моим рыцарским принципам пришел конец. Моя мечта о семье из трех человек безоговорочно превратилась в семью из двоих.

— Я ведь пришел сюда, чтобы признаться тебе в чувствах, но никак не ожидал, что всё обернется так скверно.

— Если нам не суждено быть вместе в жизни, то умрем мы тоже вместе. По крайней мере, Бездна крепко свяжет наши души навеки.

Зак мягко улыбнулся:

— Что ж, тогда умрем вместе.

У него не осталось ни единого аргумента, чтобы возразить.

Молчавший до этого мужчина в черном плаще тихо спросил:

— Это и есть то, что вы называете симпатией?

Двое влюбленных, занятых выяснением отношений в столь неподходящий момент, вздрогнули, только сейчас осознав, что они здесь не одни.

Кадаф усмехнулся:

— Нет. Это нечто гораздо более глубокое.

— Это любовь.

Незнакомец откинул капюшон, открыв прекрасное лицо, и равнодушно произвел:

— Раз уж вам так важно быть вместе, отдайте свои души мне. Это будет ценой за ваше спасение.

Оба замялись.

— Ваша душа у меня — это всяко лучше, чем гнить в Бездне, — насмешливо бросил прекрасный юноша с оттенком презрения. — Тем более, мне ваши души и даром не нужны.

— Успокойтесь. Мне просто нужно, чтобы кто-то довел нас до города Мончи-Салиль. Как только доберемся, я вас отпущу.

...

Когда Хила увидел, что Тан Юань ведет с собой двоих незнакомцев, настроение его испортилось. Он хотел утешить спутника, но не знал, с чего начать, ведь сам был человеком с крайне скудными эмоциями.

Однако, прежде чем он успел что-то предпринять, Тан Юань обратился к нему:

— Кажется, я не смогу полюбить тебя.

— Что такое любовь? — Хила не почувствовал печали, ибо у него не было шанса познать смысл этого слова.

— Наверное, это высшая степень привязанности, заставляющая человека пойти на смерть ради другого. — Определение Тан Юаня было не слишком точным, ведь с самого детства он был далек от подобных вещей, и вся его жизнь вращалась вокруг формулы семья — он сам — семья.

— Мы ведь не люди, поэтому твой метод определения наверняка ошибочен, — Хила мягко поправил Тан Юаня, который вечно пытался примерить на себя человеческое мировоззрение.

— Но ведь те двое демонов именно так и рассуждали, — Тан Юань остался недоволен тем, что Хила акцентирует внимание не на том.

— Каждое существо уникально, и их определения любви тоже могут различаться. С чего ты взял, что их взгляды на любовь применимы к нам?

— Тем более, пока мы не оказались на пороге смерти, как можно утверждать, стану ли я жертвовать ради тебя жизнью?

Затем Хила сделал то, что Тан Юань всегда очень любил — они потерлись щеками.

Хила нежно посмотрел на него, на лице играла легкая улыбка. Казалось, в это мгновение растаяли все льды, и дыхание ранней весны, наступающей на пятки зиме, глубоко отпечаталось в сердце Тан Юаня.

Он сказал:

— Я знаю лишь то, что уже очень сильно тебя люблю.